

Лю Дафэн стоял рядом с Е Цинчэнем и фыркнул: — Кучка невежд, спорить с ними лень.

Лю Ифэй с беспокойством посмотрела на Е Цинчэня и предостерегла: — Господин Е, хотя это и связано с благосостоянием каждого, мы должны сделать всё, что в наших силах, и не упрямиться. Если вы почувствуете, что не справитесь с противником, сдавайтесь раньше. Ваше здоровье важнее!

Е Цинчэнь наклонил голову и тихо проговорил с ехидной улыбкой: — Не волнуйся, я ещё с тобой этим не занимался, как я мог быть готов ввязаться в неприятности?

Лю Ифэй сердито взглянула на него, ее лицо неожиданно залилось краской, она опустила голову и ничего не сказала.

Видя, что жители почти все собрались, Ван Юаньфэн громко сказал: — Давайте определимся с порядком выступления. Моё предложение — сначала выступает господин Е, затем Ван Чжигуй, Ван Чжихэ, Ван Чжицзюнь, и последний — Гуань Юньтун.

Лю Дафэн слегка сердито сказал: — Дядя Ван, я же говорил в тот день, что Цинчэнь должен быть в финале, а вы его поставили первым. Похоже, вы все еще, как и они, смотрите на Цинчэня свысока.

Ван Чжигуй сказал: — Брат Дафэн прав, и я тоже согласен с тем, что господин Е будет последним. Господин Е очень способный. Господин начальник, пожалуйста, не недооценивайте его.

С этим согласились и Ван Чжихэ и Ван Чжицзюнь.

Гуань Юньтун рассмеялся и беспечно сказал: — Хорошо, хорошо, раз все согласны, у меня нет возражений! Господин начальник, пожалуйста, поставьте вот этого последнего человека — Е. Подумайте сами, если он выйдет первым, другая сторона определенно посмеется над тем, что в Сяодунпине нет никого.

Кто-то из сельчан поддакнул: — А что говорит Гуань Лао Эр, имеет смысл. Первый человек тоже очень важен. Если первый человек победит, наш боевой дух вырастет и в дальнейшем мы будем сражаться все мужественнее. Если же наоборот — то же самое.

— Да, раз Лю Дафэн настаивает на борьбе за титул финала, давайте сделаем вид, что ради него мы согласны. Если он действительно сегодня проиграет, то будет нести главную ответственность. Посмотрим, как он объяснит это всем.

— Не ожидал, что второй сын чиновника сегодня будет вполне разумен. По крайней мере, в таком важном вопросе о праведности и несправедности он не стал юлить!

Ван Юаньфэн задумчиво сказал: — Хорошо, раз все согласны, господин Е будет последним. Господин Е, у вас есть возражения?

Е Цинчэнь легко улыбнулся: — Меня все устраивает, не важно.

Ван Юаньфэну первоначально хотелось, чтобы он отказался, но тот неожиданно сказал такое.

В отчаянии ему не оставалось ничего иного, кроме как принять реальность.

— Все в сборе, пошли!

Жители Сяодунпина единой толпой отправились на склон Циму.

По пути люди то и дело подходили к Лю Дафэну, выпрашивали его интересы и выгоду, убеждали при помощи эмоций и рациональных доводов — все старались переубедить его и выступить вместо Е Цинчэня.

Только Лю Дафэн оставался непоколебим.

Постепенно приближаясь к склону Циму, жители заметили, что Лю Дафэн решительно настроен, поэтому стали принимать реальность и прекратили свои попытки убедить его.

Братья Ван, которые всегда вели себя высокомерно, сегодня неожиданно молчали. Это всех удивило.

А вот Гуань Юньтун все время хлопал себя по груди и хвастался:

— Не волнуйтесь, люди, пока я здесь, мы сегодня не можем проиграть!

Пусть я, Гуань Юньтун, обычно веду себя небрежно и просто, в такой критический момент я все-таки знаю, о чем речь. Не то, что некоторые, которые только и думают, как бы оказаться в центре внимания!

Добравшись до семиакрового склона, увидели, что прежний луг был расчищен и превратился в большое открытое пространство, а под сенью деревьев рядом с лесом из деревянных досок была построена простая эстрада.

На сцене стоят три стула в стиле Тайши, которые пока пусты.

Жители Лю Цзядуна тоже дружной толпой подошли по горной дороге. Судя по их строю, похоже, их было вдвое больше, чем жителей Сяодунпина.

Две деревни находятся недалеко друг от друга, поэтому многие люди знакомы между собой.

Хотя сегодня было соревнование, многие люди все равно пришли, чтобы поздороваться друг с другом. Собралось более сотни человек, и картина стала очень оживленной.

Через некоторое время я внезапно услышал, как кто-то кричит: «Пришел мастер Хуан!»

Картина внезапно стала тихой.

Я увидел мужчину средних лет с большим животом и зловещим лицом, которого поддерживала служанка, вышел на сцену и сел на стуле Тайши в середине.

«Прибыл мастер Чжан Тяньши!»

Хуан Борен встал, чтобы приветствовать его.

Старик в даосском халате, с белыми волосами и детским лицом, неторопливо вышел на сцену и сел слева от господина Хуана.

За ними стояли два даосских мальчика лет одиннадцати или двенадцати, каждый с мечом в руке.

После того, как Чжан Тяньши сел, Хуан Борен встал перед сценой и хриплым голосом сказал:

«Все, все знают, что в последние два года Цинцюань-таун не был мирным. К счастью, я пригласил Чжан Тяньши и обнаружил первопричину проблемы. Горный бог пробудился и остро нуждается в благовониях.

Поэтому строительство горного храма, поклонение горному богу и благословение Цинцюань-тауна хорошей погодой — это важное событие, которое принесет пользу настоящему и будущему.

Сегодня мы строим здесь алтарь, чтобы принести жертвы и заложить основу для горного храма. Жители двух деревень собрались вместе, чтобы поздравить друг друга и провести соревнование по борьбе, чтобы развеселить горного бога...»

Хуан Борен спокойно и красноречиво говорил около палочки благовоний. Услышав это, Е Цинчэнь зевнул.

После этого я увидел, как Чжан Тяньши снова спускается со сцены, держа в левой руке меч из красного дерева, а в правой — компас. Он прищурил глаза и обошел поле, глядя туда-сюда и бормоча что-то себе под нос.

Он подошел к одному месту, указал мечом, и даосский мальчик достал стопку желтой бумаги и сжег ее там.

Перешел в другое место и сжег еще одну стопку желтой бумаги.

Спустя некоторое время Тяньши Чжан подошел к столу, который был установлен заранее, воскурил фимиам и помолился.

Два даосских мальчика схватили по одному петуху, перерезали им шеи и рассыпали кровь везде...

Е Цинчэнь про себя усмехнулся: «Притворяется призраком!»

Различные ритуалы были бесконечными, и даже многие жители деревни, которые всегда были суеверными, заскучали и стали ходить и шептаться друг с другом.

Некоторые даже пошли сесть на траву за пределами места проведения, болтая и смеясь.

Хуан Борен сидел на сцене, тоже немного сонный.

Он прищурил свои мышиные глаза и уже собирался уснуть, но вдруг выпрямился и уставился на него в шоке.

Служанка позади нее не понимала, что происходит, и спросила: «Мастер, вам немного не по себе?»

Хуан Борен сглотнул и сказал: «Пойди и позови Вань Юаньфэна».

Через некоторое время Вань Юаньфэн подошел к Хуан Борену и поклонился: «Мастер Хуан зовет меня, в чем ваши указания?»

Хуан Борен указал в сторону толпы и спросил: «Та женщина в розовом платье из вашего Сяодунпина?»

Вань Юаньфэн поднял голову и понял, что он говорит о Лю Ифэй, и не мог не вскрикнуть про себя, что что-то не так.

«Эта девушка — дочь Лю Дафэна из Сяодунпина, ее зовут Лю Ифэй».

На лице Хуан Борена играла похотливая улыбка, и его глаза не отрывались от фигуры Лю Ифэй: «Прекрасно, в Сяодунпине есть такая красивая женщина, почему я никогда о ней не слышал?»

Вань Юаньфэн смущенно сказал: «Мастер Хуан кое-чего не знает. Эта девушка была обезображена раньше. Все называли ее уродливой. Ее вылечили только недавно».

«Вот как! Судя по ее возрасту, боюсь, ей семнадцать или восемнадцать лет. Интересно, какой семье она помолвлена?»

Ну, никто никогда ее не любил, поэтому она еще не вышла замуж. Тем не менее, теперь она обручена с господином Е Цинчэнем из этой деревни, и свадьба назначена на 8-е число следующего месяца.

«Ха-ха...» Хуан Бо жень захлопал в ладоши и похвалил: «Оказывается, она еще не замужем, она всего лишь молода. Отлично, здорово!»

Он встал и похлопал Ван Юаньфэна по плечу: «Иди и позови Лю Дафэна».

<http://tl.rulate.ru/book/105790/3758758>